

УВИДЕВ, НЕ ПРЕЗРЕТЬ

ТРИ СЛОВА О ХИППИ

Три небольшие рассказа, помещенные ниже, повествуют об опытах пастырского общения с представителями так называемой «неформальной молодежи», бунтарей, в данном случае принадлежащих к движению «людей-цветов», то есть хиппи. Описанные случаи ясно показывают, что подход к ним требуется особый, живой, нестандартный, часто столь же «неформальный», как и они сами. При общении с ними завет апостола Павла для всех быть всем (1 Кор. 9, 22) оказывается актуальным, как никогда.

Бунт этих молодых людей направлен против серой, лишённой Бога обыденности, против равнодушных ко всему родителей-материалистов, довольствующихся призрачным внешним благополучием; против теплохладного общества, обезличивающего своих членов; против тех, кто называет себя верующими, но на деле давно забыли, в чем же истинная суть их веры, и в чьих церквях незаметно для них самих умерла молитва...

В поисках чего-то живого и подлинного эти юные бунтари очень часто попадают в дьявольскую ловушку — в сотканную для них сеть современной массовой антикультуры, видящей свой идеал в хаосе, в бессмысленном бунте ради бунта, круто замешанной на нигилизме (нередко маскирующемся под «любовь» и «терпимость»), сексуальной распущенности, наркотиках, восточной мистике и магии (вплоть до откровенного сатанизма). Эта демоническая виртуальная антиреальность одурманила и убила уже не одну тысячу душ.

Но и на этом поле, усеянном плевелами, можно то здесь, то там увидеть отдельные добрые побеги, тянущиеся к Небу. И надо уметь их замечать. Христианину, а в первую очередь пастырю, следует научиться не пугаться при встрече с «неформалом», не воздвигать между собой и им глухую и холодную стену отчуждения, не отсылать его «подальше», но постараться понять, принять его в свое сердце, суметь увидеть в его протесте против «всех и вся» подспудную, им самим не осознанную тоску по Христу, единому Истинному Богу и единому Истинному Человеку. Надо только суметь помочь ему до конца осознать эту тягу к горнему и направить ее в нужное русло. Для начала бывает достаточно просто подарить таким людям открытый добрый взгляд, ведь большинство из них так изголодалось по обычному человеческому душевному теплу и пониманию...

Иеродиакон Никанор (Лепешев), II курс МДА

МИТРОПОЛИТ СУРОЖСКИЙ АНТОНИЙ (БЛУМ)¹:

Я в 1967 или 1968 году в течение недели проповедовал на улицах в Оксфорде. Просто становился где-нибудь, подбирались несколько человек, я в течение часа проповедовал Евангелие, а в течение полутора часов отвечал на вопросы. В какой-то день ко мне подошел юноша — мохнатый, лохматый, с длинными волосами, одетый в длинную свитку и говорит: «Чего Вы на наши собрания не ходите?» Я спрашиваю: «А какие собрания?» — «У нас целая группа хиппи здесь, а чем Вы не хиппи? Одеты, как никто, вид у Вас совершенно странный, вокруг шеи какая-то цепь с чем-то — такой же хиппи, только из старых...» Я сказал, что если так, то, конечно, приду на собрание: когда следующее? — «Сегодня вечером приходите...»

Вот пришел я на собрание: громадная комната, матрасы по стенам, свечи стоят на голом полу (и для освещения, и для прикуривания), и один из молодых людей стоит, свои стихи читает. Я пробрался в какой-то угол, сел на матрас и стал слушать. Первое, что меня поразило, это — как его слушали. Там было человек пятьдесят, и слушали его благоговейно, как слушают человека, который говорит о себе самое сокровенное и которого слушают с вниманием и уважением к тому, что он свою душу открывает. В какой-то момент он кончил, сказал: «Ну, кажется, все», — и пошел сел на свой матрас; потом еще кто-то выступил, и еще кто-то. Я подумал: если я дикий, почему бы мне не выступить? И на четвереньках выбрался вперед и говорю: «Я хочу сказать нечто; я хочу сказать вам, как и почему я стал верующим». Я им рассказал сначала о ранних годах эмиграции, о том, как жилось, — потому что им не вредно сообразить, что жилось-то хуже, чем им; мы не были такие мохнатые, кудластые, но ели меньше... Потом рассказал, каким образом я стал верующим; когда кончил, была такая минута молчания, началась драматическая пауза; я подумал: «Ух, как благоговейно все это звучит!» Но благоговение кончилось, потому что вдруг открылась дверь, ог-

ромный барбос ворвался в комнату, промчался вокруг прямо ко мне, ткнулся мордой в лицо и удрал. Этим, конечно, кончилась мистическая атмосфера, драматический эффект был уничтожен; после этого мы еще довольно долго сидели, рассуждали, и кто-то из них ко мне подошел и говорит: «Хорошо, что Вы пришли!» — «А почему?» — «А у Вас глаза добрые...» — «А что?» — «Знаете, Вы на нас смотрите и не презираете...» Такая реакция очень интересна была, потому что, конечно, их принимают и в хвост, и в гриву.

Это была первая встреча. Потом стали ко мне в церковь ходить хиппи. Наши старушки, я бы сказал, не в телячьем восторге были — подумайте о своих здешних, — когда они стали появляться: «Отец Антоний, неужели они всю церковь собой заполняют?..» А их только сорок или пятьдесят, и стоят они очень хорошо... В общем, восторга не было. После какого-то богослужения я их словил и пригласил к себе, и потом они год ко мне ходили раз в месяц пить чай и разговаривать; потом стали ходить на лекции, которые у нас устраиваются. А потом в какой-то день они пришли и говорят: «Знаете, мы хотим молиться; не хотите ли Вы провести с нами всенощное бдение и нас учить?..» И мы десять часов промолились. Это совсем неплохо, чтобы группа из человек шестидесяти девчат и молодых людей десять часов сряду молилась, — это показывает, что они действительно молиться хотели. Причем мы, конечно, не совершали богослужение: было бы бессмысленно совершать православную всенощную для группы людей, которые вообще не знают, на чем они стоят. Но мы сделали так: нас было трое, мы разделили время на три периода по три часа, и в интервалах после каждого периода из трех часов были кофе и хлеб (все-таки они пришли с работы или откуда-то, где они уставали). Мы вели так: каждый из нас (было два англичанина) делал вступление на какую-то тему, потом был период с полчаса, а потом такое размышление вслух, то есть эта же тема разбивалась на маленькие предложения, над которыми каждый должен был подумать несколько минут и которые потом собирались в форме короткой молитвы. Так мы десять часов промолились.

Потом они меня пригласили, поставили тему о святости, и мы три дня провели вместе. Мы молились, сидели вместе, я вел беседу с ними, были общие вопросы; потом, кто хотел, приходил ко мне со своими личными вопросами. И сейчас целый ряд из них прибывается к Православной Церкви. Я их спрашивал: почему? Они говорят: «Потому что православные знают, во что они веруют, и потому что у вас в Церкви есть молитва, не приходится (как некоторые говорили) «приносить молитву с собой», можно влиться в существующую молитву».

ИЕРОМОНАХ СЕРАФИМ (РОУЗ)²:

В 1979 году один из пасторов движения евангельских христиан завязал переписку с о. Серафимом, искренне желая глубже разобраться в Православии. В то же время его приходская церковь в Калифорнии служила прибежищем хиппи, туда собирались молодые богоискатели, бывшие бунтари, ниспровергатели старой культуры и традиций, которых они, по сути, не знали, не говоря уже об их невежестве в вопросах Православия и монашества. В 1980 году о. Серафим посетил эту церковь. Один из прихожан, увидев его с улицы, доложил пастору: «Там такой чувак ошивается — отпад!» Пастор поспешил к двери, с тревогой ожидая встречи с хулиганом из модных в ту пору шаек лихих мотоциклистов, но его взору впервые предстал православный монах. Они проговорили почти три часа. На прощанье о. Серафим крепко обнял пастора: «С вами Бог! Держитесь же своего пути!» Конечно, о. Серафим видел, что община эта (в прошлом протестантская) должна еще многое познать в Православии, но он также верил, что если молодые люди и впрямь ищут Царствие Божие, все приложится. Особенно ценил он попытки уберечь молодежь от современной «антикультуры», к которой некогда принадлежал сам.

Сегодня церковь эта в честь святых апостолов Петра и Павла насчитывает более трехсот семей, каждый день там проходят службы и община весьма преуспела на пути к иконному Православию.

СВЯЩЕННИК ДМИТРИЙ ДУДКО³:

Пришли хиппи, двое молодых людей. Тот, кто будет креститься, учится в институте. Какие-то заморыши, больные. Но я подсмотрел, с какой любовью они друг к другу относятся, делятся последним кусочком. А с родителями связь потеряли, второй из них крещен, будет крестным. Впечатление такое, что они брошены на произвол, никому не нужны, смирились с таким

положением и оттого вызывают самую большую жалость. Безродные дети, хотя есть у них отцы и матери, но они безбожники, не понимают их. И если иные не ругают детей за Бога, то и не обращают на них внимания: вы сами по себе, мы сами по себе. Вечная проблема отцов и детей...

¹ Митрополит Антоний Сурожский. О слышании и делании. М., ТСЛ, 1999, С. 379–382.

² Дамаскин (Христенсен), иеромонах. Не от мира сего. М. 1995, С. 951–952.

³ Священник Дмитрий Дудко. От начала до конца и обратно. Калуга, 1997, С.175.